

СТОЯТЕЛЬНОСТЬ НОВѢЙШАГО ПАНТЕИЗМА ВЪШЕНІИ СУЩЕСТВЕННѢЙШИХЪ ДЛЯ ЧЕЛО- ВѢКА ВОПРОСОВЪ.

(Окопчаніе).

Ученіе о твореніи, какъ свободномъ и случайномъ дѣйствіи Творца, отдѣльнаго и уединеннаго отъ міра, въ одно опредѣленное время выходящаго изъ своего уединенія, чтобы сотворить міръ,—ученіе темное и исполненное безчисленныхъ противорѣчій, такъ разсуждаютъ новѣйшіе пантеисты. Если Богъ есть существо совершеннѣйшее и обладающее всею полнотою бытія и жизни, то что можетъ заставить Его, кромѣ какого-то случайнаго, прихотливаго, ничѣмъ разумнымъ необъяснимаго побужденія, творить существа несовершенныя? И возможны ли эти существа, когда при полнотѣ и всеобъемлемости бытія въ Богѣ, все должно быть въ Немъ и впрочемъ не должно быть и не можетъ быть внѣ Его? Если же допустить, что Богъ творитъ міръ, какъ нѣчто чуждое Ему, и внѣ Его находящееся, то необходимо признать Бога ограниченнымъ и несовершеннымъ;—міръ будетъ внѣ Его, и міръ будетъ ограничивать Его. И какъ Онъ можетъ творить міръ? Если не изъ Себя,—своей природы, то долженъ внѣ Себя брать матеріалъ для міра; внѣ Бога, слѣдовательно должно быть опять нѣчто ограничивающее Его. Сколько запутанности, сколько противорѣчій! Не давно ли пора, заключаютъ пантеисты, замѣ-

*

пять это действительное представление о происхождении мира и отношении его къ Богу болѣе вѣрнымъ и рациональнымъ, воплѣтъ соответствующимъ всѣмъ требованіямъ науки, и принимаемымъ всѣми важнѣйшими руководителями мысли въ теченіе прѣхъ послѣднихъ вѣковъ?

Какое же это вѣрное представленіе, воплѣтъ разрешающее вопросъ объ отношеніи мира къ Богу, и воплѣтъ ясно и удовлетворительно для разума?

Вотъ оно! Богъ есть дѣйствительная причина мира, и мръ—Его дѣйствіе. Но не нужно ничѣмъ отдѣлять, ни временно, ни пространствомъ, и ничѣмъ другимъ этой причины отъ ея дѣйствія. Богъ есть вѣчная и необходимая причина мръ. Такъ же необходима и вѣчная причина, какъ необходимо и вѣчно ея дѣйствіе, и также, наоборотъ, необходимо и вѣчно дѣйствіе, какъ необходима и вѣчна его причина. Причина необходимо и вѣчно переходитъ въ дѣйствіе, и не можетъ быть безъ дѣйствія и дѣйствіе необходимо предполагаетъ и осуществляетъ причину. Такимъ образомъ Богъ—немыслимъ безъ мръ, ни мръ—немыслимъ безъ Бога. Богъ—это субстанція, причина, сила; мръ—это необходимое проявленіе субстанціи, это необходимое дѣйствіе причины, это необходимая и вѣчная жизнь, въ которую необходимо переходитъ путемъ разнтія божественная сила, немислимая и недѣйствительная

безъ райнтія и жизни вѣрвои. Если угодно, назовите Бога Творцемъ, какъ причину мръ, но признайте въ Немъ безусловную, внутреннюю, необходимую причину мръ. Онъ творитъ мръ внутри Себя самаго, и потому не нужно отдѣлять Творца отъ творенія. Твореніе есть тотъ же самый Творецъ, разсматриваемый въ своемъ вѣчномъ и необходимомъ дѣйствіи, и Творецъ есть тотъ же мръ, только разсматриваемый въ своей вѣчной причинѣ. Отънимте твореніе у Творца, и отъ Него ничто не останется, кромѣ пустой абстракціи, кромѣ бытія

только воображаемого, возможного. Въ дѣйствительности же безконечное существо изъ состоянія возможнаго постоянно переходитъ въ дѣйствительный міръ, изъ состоянія всеобщаго и неопредѣленнаго постоянно развивается и преобразовывается въ непрерывныя и пресмтвенныя круги конечныхъ существъ, составляющихъ неисчерпимыя формы Его сущности и жизни. Нѣтъ въ бытіи никакого раздѣленія, всѣ существа суть дѣйствія одного и того же начала,—виды одного и того же рода, части одного и того же гармоническаго цѣлага. Вотъ въ существенныхъ чертахъ ученіе пантеистическое о происхожденіи міра и его отношеніи къ Богу, въ частности видоизмѣняемое пантеистами на различныя лады, съ цѣлію представить его въ болѣе благовидной и привлекательной формѣ въ подрывъ христіанскому ученію о твореніи.

Но нужно ли много дальновидности и проницательности, чтобы догадаться, что кроется подъ этой маской? Кажись, все желаемое есть въ пантеистическомъ рѣшеніи вопроса. Есть главные предметы вопроса, Богъ и міръ, Творецъ и твореніе, между которыми требуется опредѣлить отношеніе. Опредѣлено по видимому самое отношеніе между ними съ предоставленіемъ каждому должнаго,—независимаго положенія Творцу, какъ причинѣ, и зависимаго—твари, какъ произведенію. Наконецъ съ возданіемъ должнаго безконечному и конечному, по видимому отыскана между ними желаемая точка примиренія и объединенія, найдено единство въ бытіи, давно искомое разумомъ. Но что же оказывается? Все это не болѣе, какъ фантастическая мечта, пустой призракъ, скоро разсѣвающійся и исчезающій при самомъ малѣйшемъ соприкосновеніи съ живою мыслию и дѣйствительностію.

Въ основѣ пантеистическаго рѣшенія вопроса о происхожденіи міра лежатъ два главныя положенія: одно, что Богъ есть необходимая, внутренняя, вѣчная причина міра,

другое, что Богъ и міръ находятся между собою въ отношеніи необходимаго, внутренняго и вѣчнаго сосуществованія, составляя такимъ образомъ одно нераздѣльное единство. Стоитъ только понять смыслъ этихъ двухъ положеній, чтобы увидать, что въ пантеистическомъ рѣшеніи вопроса не только заключаются мракъ и тьма, но и абсолютныя противорѣчія.

Мы останавливаемся сперва на первомъ положеніи пантеистовъ, что Богъ есть необходимая, внутренняя и вѣчная причина міра. Если дать ему болѣе ясную и наглядную форму, то его можно представить въ слѣдующемъ, совершенно равносильномъ положеніи: существо безконечное необходимо, по самой природѣ своей, производитъ конечное; существо совершеннѣйшее необходимо, по самой природѣ своей, производитъ несовершенное, составляющее Его же самую природу. Кто не видитъ здѣсь столь очевиднаго и поразительнаго противорѣчія! Трудно вообразить что либо несообразнѣе и нелѣпѣе. Спрашивается, что же это за безконечное и совершенное существо, которое необходимо должно раждать изъ себя конечное и несовершенное? Возможенъ ли для него такой переходъ отъ безконечности къ конечности, отъ совершенства къ несовершенству? И если возможенъ, то въ силу какого разумнаго основанія? При рѣшеніи этихъ вопросовъ пантеистами, мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемъ однѣ несообразности и удивительныя противорѣчія.

Что такое по своей природѣ верховное, или, какъ выражаются пантеисты, абсолютное существо, которое, по ихъ мнѣнію, необходимо должно произвести міръ, или, точнѣе сказать, перейти, преобразиться въ міръ? Существо, обладающее полнотою бытія и совершенствъ, и дѣйствительнаго бытія, дѣйствительныхъ совершенствъ? И для такого существа нельзя придумать какой либо возможности сдѣлать необходимый, вытекающій изъ его внутренней природы переходъ изъ его со-

стоянія совершеннаго въ другое противоположное ему состояніе несовершенное. Но пантеистами не такое существо принимается за причину міра. Ихъ абсолютное существо владѣетъ хотя совершеннѣйшимъ, но только чистымъ возможнымъ бытіемъ,—оно есть только покоящаяся сила, постоянно стремящаяся къ проявленію себя въ конечныхъ дѣйствіяхъ и жизни, безкачественная субстанція, ищущая качествъ въ конечныхъ явленіяхъ, неопредѣленное единство, стремящееся найти для себя опредѣленіе въ безчисленномъ разнообразіи существъ. Можетъ быть такому существу натуральнѣе и удобнѣе перейти отъ себя къ міру, составляющему необходимое развитіе и, такъ сказать, продолженіе его сущности и жизни? Нисколько, тутъ еще больше затрудненій и несообразностей. Прежде всего мы спросимъ пантеистовъ, что это—за существо, которое, по ихъ мнѣнію необходимо должно произвести изъ себя и развить міръ, совершенное ли оно—существо, или не совершенное? У всѣхъ ихъ одинаковій положительный отвѣтъ. Всѣ они сходятся по видимому въ томъ убѣжденіи, что первая причина должна быть совершеннѣйшею, потому что несовершенное можетъ произойти только отъ совершеннаго. Еще одинъ вопросъ пантеистамъ: къ чему будетъ переходить ихъ верховное начало, выходя изъ себя, и развѣваясь въ міръ,—къ паденію ли, или къ совершенству? Пантеисты должны выбрать что либо одно изъ двухъ. Но въ этомъ не всѣ они одинаково согласны между собою. Одни изъ нихъ больше склоняются къ тому, что развитіе первой причины въ міръ—есть переходъ ся отъ совершенства къ несовершенству. Таковое мнѣніе должно быть достояніемъ Спинозы и тѣхъ строгихъ его послѣдователей, которые считали униженіемъ для Безконечнаго существа приписывать Ему какія либо свойства или качества, составляющія будтобы принадлежность однихъ конечныхъ существъ. Становясь на этой сторонѣ, Шеллингъ прямо говорилъ, что твореніе міра

есть надежда абсолютнаго. Но съ другой стороны, пантеисты, особенно позднѣйшіе, толькующо поумолажано о прогрессѣ, смотрять на міровое развитіе своего абсолютнаго, какъ на постепенный ходъ его къ большому и большому совершенству, достигаемому имъ иногда наконецъ въ человѣкѣ. Избирають ли пантеисты одну, или другую крайность, въ томъ и другомъ случаѣ—неизбѣжны самыя очевидныя и странныя противорѣчія. Существо совершенное испадаетъ къ несовершенству! Что это значитъ? Кто это можетъ понять и допустить? Его природу составляетъ совершенство, и оно перестаетъ быть совершеннымъ! Меньше ли противорѣчій въ другомъ предположеніи? Несколько не меньше: и идетъ тоже самое. Существо совершенное совершенствуется, существо обладающее всею полнотою бытія и совершенствъ, увеличивается и возрастаетъ въ бытіи и совершенствахъ. Также поразжающее противорѣчіе, что и правда, одно другого стоитъ.

Нетрудно понять, что за существо пантеистическое-абсолютное, которое можетъ испадать къ несовершенству, или возманиваться къ совершенству. Ясно, что оно существо несовершенное, хотя пантеисты прикрываютъ его титуломъ совершеннѣйшаго, потому что совершеннѣйшее существо не можетъ ни умалиться, ни погрязнуть въ своихъ совершенствахъ. Самыя черты, приписываемыя ему пантеистами, обличаютъ въ немъ несовершенство, каковы напр. возможность только бытія, неопредѣленность, безкачественность и т. п. И сами пантеисты, особенно позднѣйшіе Гегелевой школы, совершенство ставятъ уже на концѣ бытія, въ началѣ же его—несовершенство. Но если мы примемъ за причину и начало бытія существо несовершенное, то что отсюда выйдетъ, поправится ли отъ этого дѣло? Одно противорѣчіе устраняется, но на его мѣстѣ возникаютъ другія. Несовершенное можетъ развиваться и усовершиться, въ этомъ и въть противорѣчія. Но несовершенное

само по себѣ можетъ ли развиваться и усовершенствоваться? Можетъ ли оно быть первымъ и производительнымъ началомъ всего? Какъ несовершенное, оно не имѣетъ въ себѣ самомъ основанія своего бытія, и слѣдовательно само собою даже не можетъ существовать, а тѣмъ больше быть началомъ всего существующаго. Но предположимъ, что оно существуетъ,—и этимъ не устраняются, а вызываюся новыя неразрѣшимыя затрудненія. Почему оно, и въ силу какого закона должно развиваться и стремиться къ совершенству? Уму непостижимо, чтобы оно могло развиваться и стремиться къ совершенству безъ другой, прежде его существовавшей причины, безъ другаго сторонняго толчка, и силы, давшей ему и поддерживающей въ немъ извѣстное направленіе. Пантеисты укажутъ на необходимость? Но это не отвѣтъ, а уклоненіе отъ отвѣта. Нужно бы показать, на чемъ основана эта необходимость. Но этого не дѣлаютъ, и не въ силахъ сдѣлать пантеисты. Потому что нѣтъ никакой возможности найти разумнаго основанія тому, почему бы несовершенное, неопредѣленное начало стало развиваться, почему бы несовершенное могло какими либо судьбами произвести совершенство. Это не можетъ быть допущено безъ положительнаго противорѣчія, все равно какъ и то предположеніе, что будто совершенное начало міра, если оно совершенно, можетъ имѣть упадокъ или возрастаніе въ своихъ совершенствахъ. Нечего уже и говорить о томъ, что если пантеистическое абсолютное понятіе въ собственномъ его смыслѣ, какъ чистую мертвую абстракцію, каково оно и есть на самомъ дѣлѣ, то еще очевиднѣе и осязательнѣе покажется положительная невозможность перейти отъ него къ дѣйствительному порядку вещей. Эта невозможность, какъ благовидно ни прикрывается въ пантеистическихъ системахъ, сама собою выступаетъ наружу и легко дастъ замѣтить себя каждому,—она не могла быть незамѣченною самими же пантеистами, когда они стано-

виться критиками системъ своихъ собратій. Такъ напр. Шеллингъ, приписавши на начало всего абсолютное (именуемое имъ субъектъ-объектомъ), которое есть чистѣйшая неопредѣленность и такое же тождество, хочетъ, чтобы оно необходимо развилося и постепенно переходило отъ единства къ разнообразію. Гегель замѣчаетъ на это: абсолютное дѣлится, тождественное разнообразится! Что это за абсолютное? что это за тождество? Почему и какимъ образомъ оно должно дѣлиться и разнообразиться? Какимъ образомъ, далѣе, можно опредѣлить развитіе абсолютнаго въ натурѣ и человѣкѣ, не опредѣливши напередъ сущности самаго абсолютнаго и внутреннихъ законовъ его развитія? Какъ можно видѣть абсолютное въ вещахъ, не видавши его въ немъ самомъ? Нельзя и желать болѣе мѣткого и сильнаго замѣчанія касательно несостоятельности, бесплодности и безвыходности начала Шеллингова, общаго съ началомъ Спинозы и его послѣдователей. Между тѣмъ Гегель такъ хорошо видѣвшій ошибочность начала своего учителя, чѣмъ замѣняетъ его? Началомъ еще болѣе бесплоднымъ и безвыходнымъ, — логическою идеею, изъ которой хочетъ произвести дѣйствительный міръ явленій. И вотъ въ свою очередь Шеллингъ съ неменьшею мѣткостью и искусствомъ подмѣчаетъ ошибочность и пустоту начала Гегелева. Гегель, замѣчаетъ онъ, начинишь гипотезою, и одною изъ самыхъ странныхъ гипотезъ, — логическимъ понятіемъ, или идеей, которой приписывается способность преобразоваться въ противоположную ей форму бытія, и послѣ возвращаться къ себѣ самой, тогда какъ это можетъ быть сказано только по отношенію къ бытію дѣйствительному и живому, а къ простому логическому понятію не можетъ быть отнесено безъ противорѣчія и нелѣпности. Какъ перейти отъ идей къ бытію? Это, невозможно, это непонятно. Идея Гегелева, остроумно замѣчаетъ Шеллингъ, неизвѣстно почему, равнѣ изъ скуки, выходитъ изъ своего чисто логиче-

скаго бытія, и распадается на различныя формы, чтобы дать дѣйствительное бытіе творенію. Вотъ собственный приговоръ пантеистовъ надъ пустою и безвыходностію ихъ начала. Есть одно только для нихъ средство вывести ихъ начало изъ его пустоты и ввести въ дѣйствительность,—оно указано Гегелемъ, и заключается въ томъ, чтобы законъ противорѣчія признать фундаментальнымъ закономъ мысли и бытія, и въ силу этого закона требовать, чтобы было на дѣлѣ то, чего существованіе составляетъ противорѣчіе, чтобы ничтожество сдѣлать бытіемъ, нуль—единицею и всѣми числами. Т. е. нелѣпость и противорѣчіе принять за основаніе и правило въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи вещей. Вотъ какая жертва требуется отъ пантеистовъ, и какую приносятъ они, чтобы свое бесплодное абсолютное начало признать вѣчною необходимою причиною міра!

Но изъ-за чего же пантеисты бьются со всѣхъ силъ, и готовы на всѣ пожертвованія, и даже общими законами мысли и бытія? Чего они доискиваются, и находятъ ли свое искомое? Понятно, къ чему стремятся всѣ усилія и попытки пантеистовъ. Найти точку примиренія и объединенія между Богомъ и природою, безконечнымъ и конечнымъ, въ которой они могли бы быть приведены къ общему, безусловному единству,—вотъ самое главное, къ чему, съ такою неудержимою силою, устремляется пантеизмъ! Но въ такой ли мѣрѣ достигаетъ онъ своей цѣли, это можемъ увидать изъ разбора втораго главнаго положенія пантеистовъ, къ которому и переходимъ.

По ученію пантеистовъ, Богъ и міръ находятся между собою въ отношеніи вѣчнаго, внутренняго и необходимаго сосуществованія, составляя такимъ образомъ одно нераздѣльное бытіе или существо. Что это значить? Это значить то, что Богъ и міръ никогда не существовали, и не могутъ существовать отдѣльно и независимо одинъ отъ другаго. Міръ не можетъ существовать безъ Бога, и Богъ не можетъ существовать

Богъ міра. Богъ необходимъ для міра и міръ необходимъ для Бога. Міръ безъ Бога тоже, что дѣйствию безъ причины, явленіе безъ субстанціи, жизнь безъ силы жизненной, и Богъ безъ міра тоже, что причина безъ дѣйствія, субстанція безъ явленій, сила безъ жизни. Отъимите Бога у міра, и онъ пересталъ бы существовать, и наоборотъ, отъимите у Бога міръ, и Онъ остался бы одною мечтою и призракомъ. Однимъ словомъ, Богъ имѣетъ бытіе и жизнь въ мірѣ, а міръ—въ Богѣ. Такимъ образомъ Богъ и міръ не два отличныя, отдѣльныя существа, а два вида одного и того же бытія. Міръ—это Богъ, разсматриваемый въ Его дѣйствіяхъ и проявленіяхъ жизни, а Богъ есть тотъ же міръ, разсматриваемый въ его причинѣ, его сущности. Вотъ то искомое единство между Богомъ и міромъ, между безконечнымъ и конечнымъ, на которомъ останавливаются пантеисты, считая его для себя уже найденнымъ и рѣшеннымъ дѣломъ! Но такъ ли на самомъ дѣлѣ? Единство ли въ существѣ дѣла то, что признается таковымъ пантеистами? Не отождествленіе ли это, или смѣшеніе двухъ различныхъ предметовъ или существъ, сопряженное съ самыми странными противорѣчіями, и ведущее къ самымъ губельнымъ и опаснымъ послѣдствіямъ? Міръ составляетъ необходимое условіе для бытія и жизни Божіей, т. е. конечное составляетъ необходимую принадлежность и самую природу Безконечнаго. И наоборотъ, міръ въ своей основѣ есть Богъ, иначе говоря: безконечное составляетъ въ свою очередь необходимую принадлежность и самую природу конечнаго. Не странное ли это, и уродливое сочетаніе несочетаваемыхъ предметовъ? Не поражающее ли это противорѣчіе въ глазахъ каждаго, имѣющаго хотя малѣйшее сознаніе о различіи конечнаго и безконечнаго? И къ чему оно ведетъ? Къ тому, что можетъ быть сами пантеисты не ждали на первыхъ порахъ,—къ совершенному уничтоженію, или отрицанію одного какого либо изъ сочетаваемыхъ ими

страннымъ образомъ существъ,—или міра, или Бога. Если съ точки зрѣнія пантеистовъ на отношеніе міра къ Богу, какъ дѣйствительнаго къ возможному, какъ жизни къ силѣ, признать Бога дѣйствительнымъ и живымъ существомъ, то нужно отнести къ Нему, къ Его природѣ и жизни весь міръ во всей полнотѣ его бытія и жизни, и тогда ничего не останется отъ міра для его дѣйствительнаго бытія, міръ исчезнетъ въ Богѣ. Если же, наоборотъ, міръ признать дѣйствительнымъ, то отнимется чрезъ это у Бога то, что составляетъ Его жизнь, и Богъ исчезнетъ въ мірѣ. Такимъ образомъ исчезновеніе міра въ Богѣ (акосмизмъ),—или исчезновеніе Бога въ мірѣ (атеизмъ),—вотъ послѣднія, гибельнѣйшія крайности, къ которымъ влечется, и неизбежно приходитъ пантеизмъ, достигая въ своемъ развитіи до своихъ послѣднихъ предѣловъ.

Но замѣчательно то, что совершенно не тѣмъ начинаютъ пантеисты свое ученіе о Богѣ и мірѣ, чѣмъ его заканчиваютъ. Они начинаютъ съ общаго всеѣмъ подьямъ признанія бытія безконечнаго и конечнаго, и думаютъ только найти, уяснить и опредѣлить между ними отношенія. Въ этихъ видахъ строятся ими гипотезы,—но эти гипотезы расходятся съ дѣйствительностію. Въ основѣ ихъ лежитъ мысль о безусловномъ единствѣ бытія, къ которому безконечное и конечное относятся, какъ виды къ одному роду. Между тѣмъ дѣйствительность говоритъ свое. Съ одной стороны вселенная своимъ неотразимымъ дѣйствіемъ на насъ громко говоритъ въ пользу своего дѣйствительнаго бытія, съ другой стороны не менѣе громко вопіетъ въ пользу бытія безконечнаго наше собственное сознаніе своими высшими, неземными стремленіями. Нашъ духъ имѣетъ свои законы и стремленія, сердце—свои расположенія и нужды, воля—свои потребности и стремленія—все это, голосъ не менѣе внушительный и важный, чѣмъ голосъ видимой природы. Въ силу этихъ основаній человѣчество одинаково признаетъ при-

роду и Бога действительностями, а не какими либо призраками или мечтами воображенія. Оно знаетъ природу живую и дѣйствительную, наполненную живыми силами и существами, и не знаетъ другой какой либо вселенной, наполненной одними фантазмами и призраками. Оно не знаетъ также Бога, живущаго въ какой-то пустой абстракціи, и владѣющаго какимъ-то неопредѣленнымъ, чистымъ и безкачественнымъ бытіемъ, а вѣруетъ въ Бога живаго и дѣйствительнаго, владѣющаго всею полнотою бжтїи силъ и совершенствъ. Что же остается дѣлать пантеистамъ, испускаясь изъ области гипотезъ въ расходящуюся съ ними дѣйствительность? Дѣйствительность требуетъ признать бытіе Бога и натуры, безконечнаго и конечнаго, а гипотеза пантеистическая требуетъ совершенно противнаго — безусловнаго единства бытія. Примирить то и другое? Но это безусловно невозможно, это противорѣчіе. Оставить гипотезу припаденія двухъ видовъ бытія безконечнаго и конечнаго къ безусловному единству? Но это значило бы, пантеистамъ отказать отъ самихъ себя, — отъ того, безъ чего пантеизмъ не былъ бы пантеизмомъ. Что же остается дѣлать пантеистамъ, при попыткѣ приложить къ дѣйствительности свою гипотезу, которой они рѣшаются остаться вѣрными? — Одно, — исказять и уродовать дѣйствительность, сообразно съ своею гипотезою. И какъ эти гипотезы требуютъ безусловнаго единства, а таковое единство возможно только при сліяніи въ одно цѣлое двухъ различныхъ видовъ бытія, то пантеисты не задумываются предъ этою поддѣлкою дѣйствительности, надѣясь найти въ ней оправданіе своей гипотезѣ. Но здѣсь-то пантеисты поставлены въ неизбежную необходимость жертвовать однимъ какимъ либо изъ видовъ бытія. Смотря по тому, гдѣ и въ чемъ сосредоточиваютъ они дѣйствительное бытіе, въ безконечномъ, или конечномъ, съ ихъ точки зрѣнія необходимо ускользаетъ и исчезаетъ или конечное или безконечное. Хотятъ ли, напр. пантеисты,

прислушиваясь къ высшимъ стремленіямъ духа человѣческаго, признать живаго и дѣйствительнаго Бога,—что должны дѣлать и дѣлаютъ? Чтобы оживить свое неопредѣленное, абстрактное существо абсолютное, они принуждены для него взять атрибуты—изъ міра и приписать ихъ ему,—взять всѣ качества опредѣляющія, — сознаніе, мысль, волю, жизнь и т. п. Что же тогда будутъ всѣ конечныя существа? Продолженія одной жизни божественной, самый же Богъ. Міръ, поглощается Богомъ, исчезаетъ. Хотятъ ли, напротивъ, пантеисты, слѣдуя неотразимому внушенію опыта, спасти дѣйствительность міра, индивидуальность конечныхъ существъ и личность человѣка, они принуждены бывають приписать міру все то, что въ первомъ случаѣ относили къ Богу, жизнь, сознаніе, дѣятельность и т. п. Но послѣ этого ихъ Богъ останется ни при чемъ, онъ будетъ одною пустою абстракціею, однимъ алгебраическимъ знакомъ.

Вотъ на какія крайности сами себя осуждаютъ пантеисты, всегда неизбѣжно наклоняясь къ той или другой, смотря по тому, къ чему больше тяготѣютъ ихъ стремленія и расположенія, къ небу или землѣ, къ высшимъ потребностямъ духовной природы, или къ чувственнымъ, эгоистическимъ интересамъ. Это подтверждаетъ самая же исторія новѣйшаго пантеизма. Пантеизмъ Спинозы и его послѣдователей, также Шеллинга и его учениковъ, не пренебрегавшихъ религіозными потребностями природы человѣческой, склонялся къ мистицизму и акосмизму, по которому все существующее, относилось къ Богу, и ничего не оставалось на долю міра и человѣка. Пантеизмъ Гегеля и его послѣдователей образовался подъ вліяніемъ практическаго или эгоистическаго направленія, теряющаго совершенно изъ виду высшее назначеніе человѣка, и стремящагося къ упроченію его личности, его благосостоянія только здѣсь—на землѣ, и вотъ онъ прямо стремится къ атеизму. У Гегельянцевъ Богъ становится чистою, пустою абстракціею, безжиз-

нностямъ -- а небраическимъ знакомъ, или мечтательнымъ идеаломъ, а Его мѣсто занимаетъ мѣръ, въ которомъ постепенно воплощается или развивается Божество, и въ особенности человекъ, въ которомъ Оно достигаетъ самой высшей степени своего развитія, сознанія и личности.

Итакъ не нравѣ ли мы предложить пантеистамъ слѣдующую дилемму: или Богъ вашъ -- все, такъ что кромѣ Его, нѣтъ ничего, -- камни, растенія, безсловесныя твари, разумныя существа, -- теисты, атеисты, пантеисты, -- все это вашъ Богъ. Или же вашъ Богъ есть одна абстракція, символической мертвой знакъ, и въ этомъ случаѣ дѣйствительными остаются одни конечныя существа съ ихъ случайностію, ограниченностію и вымѣняемостію. Средины нѣтъ. Или одинъ Богъ существуетъ, или одинъ мѣръ существуетъ. Вотъ въ короткихъ словахъ рѣшеніе вопроса о происхожденіи міра и отношеніи его къ Богу, противопоставляемое повѣйшими пантеистами ученію о твореніи! Кто не видитъ, что это не рѣшеніе вопроса, а скорѣе совершенное извращеніе его, или уничтоженіе, не только не проливающее никакого свѣта на предметъ, но поставяющее разумъ въ самое запутанное положеніе и неразрѣшимыя противорѣчія? Пантеисты взялись не уничтожить, а рѣшить вопросъ, имѣющій для всѣхъ несомнѣнно важный и глубокой важности, какимъ образомъ мѣръ существуетъ въ существующемъ вмѣстѣ бесконечное и конечное, не проговорѣча одно другому, не уничтожая одно другаго; какимъ образомъ бесконечное остается бесконечнымъ, при существованіи вмѣстѣ съ нимъ конечнаго. И что же сдѣлали? Представлять бесконечное и конечное существующими отдѣльно и отлично, разсуждаютъ они, что противорѣчитъ понятію о бесконечномъ. Итакъ пусть бесконечное и конечное будутъ одно и тоже. Другими словами, это можно выразить такъ: пусть бесконечное сдѣлается конечнымъ, воплотивъ въ предѣлы, -- или пусть конечное сдѣлается

безконечнымъ, т. е. раздвинуть свои конечные предѣлы до безконечности. Вотъ логика!—И ее пантеисты не совѣстятся приравнивать ученію о твореніи, и даже ставить выше его! До какой степени ослѣпленія доходитъ иногда предубѣжденіе разума—считать лучшимъ свое, хоть бы оно было совершенною нелѣпностію, а худшимъ не свое, хоть бы за нимъ была самая очевидная и несомнѣнная истина!

Много ли нужно смысла и соображенія, чтобы видѣть, гдѣ несомнѣнное превосходство, гдѣ истина, на сторонѣ ли гипотезъ о происхожденіи міра—въ родѣ пантеистической, или на сторонѣ ученія о твореніи. Мы уже познакомились съ тѣми преимуществами странныхъ и поразительныхъ противорѣчій, которыя навсегда должны остаться за гипотезою пантеистической. Но можно ли, судя безпристрастно, что либо подобное сказать объ ученіи о твореніи? Правда, въ ученіи о твореніи есть стороны таинственныя и непостижимыя для разума, но это не противорѣчія. Таинственность и непостижимость въ такомъ предметѣ, каково дѣло творенія, которое стоитъ очень далеко и высоко отъ человѣка, и которое покрыто непроницаемою завѣсою отъ всѣхъ сотворенныхъ существъ, есть дѣло неизбежное, необходимо вытекающее изъ самаго существа вещей,—и не даетъ никакого права заподозрѣвать истинности самаго ученія о немъ. Другое дѣло, если бы оно заключало въ себѣ противорѣчія, но ихъ, какъ увидимъ, въ немъ вовсе нѣтъ. Обвинять его въ противорѣчіяхъ могутъ только люди, подобные пантеистамъ, невидящіе и нежелающіе видѣть истины.

Первое, что мы встрѣчаемъ непонятнаго для нашего разума, при размысленіи о происхожденіи міра,—это самая возможность происхожденія міра. Мы признаемъ Творца міра существомъ личнымъ, самобытнымъ, владѣющимъ всею полнотою силъ и совершенствъ. Это, само собою очевидно, даетъ больше

основаніи для возможности происхожденія міра, чѣмъ пантеистическое представленіе о виновникѣ міра, то какъ о мертвомъ, абстрактномъ существѣ, то какъ о существѣ неопредѣленномъ и неразвившемся, нуждающемся въ опредѣленіи и развитіи, и потому самому заставляющемъ выше себя предполагать новое существо, которое бы могло способствовать его опредѣленію и развитію. Паче Творецъ—не пантеистическое ничтожество, превращающееся въ бытіе, не субстанція сама въ себѣ безжизненная, получающая жизнь только въ мірѣ,—а личное, живое существо, имѣющее жизнь въ себѣ самомъ, и ни въ чемъ не имѣющее нужды. Не будь міра, Онъ существовать бы всюю полнотою своей жизни,—и по сотвореніи міра нѣтъ никакого ущерба и упадка въ Его жизни,—цѣла и неизмѣнима полнота Его бытія и совершенствъ.

Но здѣсь же встрѣчаетъ насъ неотразимое недоумѣніе: какимъ образомъ Богъ можетъ мыслить что либо другое, кромѣ Себя? Какимъ образомъ существо совершеннѣйшее могло бы мыслить и захотѣть произвести несовершенное? Возможно ли что либо представить внѣ существа безконечнаго и совершеннѣйшаго, владѣющаго всею полнотою бытія и совершенствъ? Можетъ ли существо безконечное и совершеннѣйшее не быть всею бытіемъ, и оставлять мѣсто для чего-то другаго, отличнаго отъ себя? Понятно, если существо конечное и несовершенное мыслить о другихъ отличныхъ отъ себя конечныхъ существахъ. Понятно, если существо неполное, несовершенное, думаетъ о расширеніи и возможномъ развитіи своего бытія. Но какимъ образомъ существо совершеннѣйшее, имѣющее жизнь въ себѣ самомъ, мыслить о чемъ либо другомъ, отличномъ отъ себя,—это непонятно для разума, въ чемъ мы и сознаемся. Но потому самому мы и не утверждаемъ, чтобы изъ идеи существа совершеннѣйшаго необходимо вытекала возможность существовать несовершенныхъ, чтобы необходимо

можно было вывести одну изъ другой. Утверждать противное, значить не признавать Бога существомъ совершеннѣйшимъ, или признавать Его таковымъ только по имени, а на дѣлѣ приписывать Ему свойства существа несовершеннаго, необходимо стремящагося къ развитію своего бытія при стороннихъ условіяхъ, какъ дѣлають это пантеисты. Но имѣть ли другаго основанія, въ силу котораго мы могли бы допустить возможность конечныхъ существъ, при существованіи существа совершеннѣйшаго и безконечнаго? Если отъ полноты природы божественной, ни въ чемъ стороннемъ ненуждающейся, ничего кромѣ себя необходимо не предполагающей, нельзя перейти къ мысли о возможности несовершенныхъ существъ, то нельзя ли прійти къ ней, выходя изъ мысли о нравственныхъ началахъ жизни божественной,—любви, благодати, премудрости и всемогуществѣ? Это едва ли не единственный выходъ изъ тѣхъ затрудненій, въ которыя поставляетъ насъ представленіе о существѣ совершеннѣйшемъ и о возможности существованія на ряду съ Нимъ существъ несовершенныхъ. Этимъ только и можемъ мы уяснить для себя, насколько это возможно, то предположеніе, что Богъ отъ вѣчности въ умѣ своемъ обнимаетъ не только дѣйствительное бытіе, которымъ Онъ всегда обладаетъ, но и возможное, не необходимое для Него, не совершенное. А такое предположеніе мы имѣемъ право и обязаны сдѣлать на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, представляемыхъ самою дѣйствительностію.

Непосредственное сознаніе и чувство каждому изъ насъ громко говорить, что мы живемъ, мыслимъ, чувствуемъ, существуемъ, что подобно намъ живутъ дѣйствительною жизнью и дѣйствительно существуютъ другія, подобныя намъ существа, что земля и небо, и миллионы существъ—не призраки и тѣни, а дѣйствительныя, пользующіяся извѣстною долею самостоятельности, существа. Итакъ конечныя, несовершенныя су-

*

ности дѣйствительно существуютъ. Но если они существуютъ, то само собою очевидно, что они были возможны прежде, чѣмъ стали существовать, что прежде существованія ихъ были условія предварительно необходимыя для ихъ бытія. Но гдѣ это условіе существованія, гдѣ его возможность? Ясно, что не въ самыхъ же конечныхъ, несовершенныхъ существахъ, а нѣ въ ихъ, прежде и шашо ихъ. Они по имѣютъ въ самихъ себѣ причины своего бытія и жизни, они подвержены случайности и измѣняемы. Безусловная же причина бытія должна стоять выше всякихъ случайностей и перемѣнъ, она должна быть вѣчна и неизмѣнна. Гдѣ же можетъ быть такая причина, обуславливающая собою возможность бытія существъ несовершенныхъ, какъ не въ существѣ совершенномъ, имѣющемъ жизнь, причину бытія своего въ себѣ самомъ и стоящемъ выше всякихъ условій пространства и времени? И безъ сомнѣнія эту возможность существъ несовершенныхъ должно совпадать совершеннѣйшее существо, какъ сознаетъ оно свое дѣйствительное личное бытіе.

Вотъ прямой и естественный путь, которымъ мы доходимъ до несомнѣннаго убѣжденія въ томъ, что несовершенныя существа возможны и причина этой возможности заключается въ Умѣ божественномъ, кромѣ вѣчнаго сознанія бытія совершеннаго, отъ вѣчности носящемъ въ себѣ идею бытія возможнаго и несовершеннаго, идею, обнимающую собою всѣ существа возможныя!

Почему же и какими узами связана эта возможность бытія несовершеннаго съ существомъ божественнымъ, обладающимъ всею полнотою совершенствъ? Это сокрыто отъ разума человѣческаго и навсегда должно остаться тайною для существъ сотворенныхъ. И наше ли дѣло пытаться проникнуть въ эту тайну, стоящую выше нашего естества, и послѣ того, какъ мы сознаемъ и увѣрены, что дѣйствительно существуемъ

и живемъ, хотя жизнью не самобытною, а зависящею отъ высшей причины? Не должны ли мы, напротивъ, съ прямою и благодарностию сердца принять эту тайну, имѣя для этого основаніе уже въ самомъ существѣ и существованіи нашемъ?

Есть одно, надѣ чѣмъ можетъ остановиться мысль наша, — не включаетъ ли въ себѣ неразрѣнимаго противорѣчія то предположеніе, что Богъ, существо безконечное, въ глубинѣ своего совершеннѣйшаго ума мыслить о чемъ-либо другомъ, кромѣ Себя, — о существахъ конечныхъ и несовершенныхъ? Это составляетъ дѣйствительное затрудненіе предъ судомъ нашего разума, на которое указываютъ намъ и пантеисты, — но итъ ли какой либо возможности выйти изъ него? — Есть, и ею воспользуется здравый разумъ, не пренебрегающій путями, ведущими къ истинѣ и свѣту.

Мы знаемъ, что Богъ есть существо безконечное и совершенное, вмѣстѣ съ тѣмъ мы увѣрены и въ томъ, что невозможно такія существа, которыя бы ограничивали Его бытіе, или расширяли куда либо далѣе Его собственнаго существа. То и другое одинаково нелѣпость и противорѣчіе. Существа, полагающія предѣлы бытію божественному — противорѣчіе Его безконечности; существа, продолжающія, или расширяющія Его бытіе — противорѣчіе Его полнѣйшему совершенству. Итакъ нельзя допустить безъ противорѣчія возможности существъ, какъ полагающихъ предѣлы существу безконечному, такъ и продолжающихъ или расширяющихъ существо несовершенное. Такое отношеніе существъ конечныхъ къ Безконечному есть ли единственно возможное? Нельзя ли представить отношенія другаго, которое бы не противорѣчило ни безконечности, ни совершенству божскаго существа? Не думаемъ, чтобы такое отношеніе было невозможно, когда оно существуетъ на дѣлѣ. Конечныя существа не суть какіе либо предѣлы, или продолженіе и развитіе безконечнаго и совер-

шеннѣйшаго существа, и Его выраженіе, явленіе, образъ. Почему же не допустить, что Богъ отъ вѣчности могъ, кромѣ дѣйствительнаго своего бытія, представлять въ умѣ своемъ еще возможное бытіе, бытіе несовершенное, но не какъ противоположное своей природѣ, или существенное и необходимое для ней, а какъ выраженіе, явленіе, образъ своихъ совершенствъ? Почему нельзя допустить, чтобы кромѣ вѣчности могло быть время которое есть образъ вѣчности? Или, чтобы кромѣ безпредѣльности могло бы быть пространство, представляющее въ себѣ ея образъ? Почему, однимъ словомъ, при существованіи существа совершеннѣйшаго, не могло бы быть существъ несовершенныхъ, отличныхъ отъ Бога, но въ тоже время властвующихъ извѣстною долею совершенствъ, и носящихъ на себѣ отпечатокъ Его образа? Въ этомъ не можетъ быть и нѣтъ никакого противорѣчія.

Итакъ мы не имѣемъ основанія и права отрицать возможности предвѣчнаго существованія въ умѣ божественномъ мысли о конечныхъ существахъ, и мы можемъ и должны принять ее за истину несомнѣнную. Но здѣсь же встрѣчаемся мы съ новыми таинственными и непонятными для разума сторонами въ ученіи и твореніи. Что могло побудить совершеннѣйшее и блаженнѣйшее Существо осуществить свою мысль о возможныхъ несовершенныхъ существахъ, и какимъ образомъ она могла быть приведена въ исполненіе, тогда какъ не существовало ничего, кромѣ одного безконечнаго божественнаго существа? Это, повторяемъ, опять тайны, неизбѣжныя въ области предметовъ, стоящихъ выше разума человѣческаго, но не противорѣчія, и потому онѣ не препятствуютъ намъ принять съ полною и несомнѣнною увѣренностію истину творенія,—что Богъ, будучи существомъ вполне совершеннымъ и блаженнымъ, по своей любви и благодати положилъ осуществить свою мысль о несовершенныхъ существахъ, и силою своего всемогущества,

принять свое намѣреніе въ дѣйствіе. Какая необходимость, говорить намъ, могла заставить Бога производить что либо, когда въ Немъ заключалась вся полнота бытія? Стремится произвести изъ себя что либо то только существо, которое не владѣеть вдругъ всѣмъ бытіемъ, а ищетъ увеличенія или расширенія своего бытія въ дальнѣйшемъ своемъ раскрытіи и развитіи. Приписывать это существу, сразу владѣющему всѣмъ полнѣйшимъ бытіемъ и жизнью,—не противорѣчіе ли это?— Да; отвѣчаемъ мы, это дѣйствительно противорѣчіе, но оно должно быть отнесено на сторону тѣхъ, которые считаютъ безусловно необходимымъ для совершеннѣйшаго существа подобно сѣмени развиваться въ другихъ конечныхъ существахъ, чтобы получить въ нихъ и чрезъ нихъ бытіе и жизнь. Но мы не признаемъ такой необходимости за истиннымъ и живымъ Богомъ, который имѣетъ жизнь въ Себѣ самомъ, и которому міръ ничего не можетъ дать и прибавить.. Что же другое могло побудить Бога произвести міръ, если онъ не составляетъ необходимости для Его бытія и жизни? Для пантеистовъ этотъ вопросъ не разрѣшимъ, но для поклонниковъ живаго и личнаго Бога онъ не представляетъ непреодолимаго затрудненія. Основанія для намѣреній Божіихъ создать міръ, почему бы нельзя было предположить въ нравственныхъ началахъ жизни общественной, вмѣсто того, чтобы видѣть его въ какой-то безотчетной, слѣпой физической необходимости, заставляющей божественное существо развиваться для восполненія и поддержанія своей жизни? Богъ есть существо живое и личное; обладающіи всѣми совершеннѣйшими свойствами духовной и нравственной природы, Онъ есть существо всеблагое любвеобильное, Онъ есть Богъ—*любы*. Если любовь пераздѣльна съ природою духовно-нравственныхъ существъ, если она бываетъ, тѣмъ шире, шире и глубже, чѣмъ они выше, совершеннѣе по своей природѣ, и ближе къ Богу, то нѣтъ ли основанія ду-

мысль, что Богъ есть полнота любви, и любви высочайшей, безпредѣльной и всеобъемлющей. Если же Богъ есть любви, то можно ли думать, чтобы Онъ былъ безразличенъ къ той мысли о возможныхъ существахъ конечныхъ, которая отъ вѣчности была присуща Его уму? Безпредѣльная любовь Божія не могла ли послужить плодотворнымъ побужденіемъ—привести отъ небытія къ бытію, отъ возможности къ дѣйствительности цѣлые міры существъ, которыя, чувствуя блага жизни, въ тоже время могли бы быть выраженіемъ и образомъ совершенствъ Творца и проявлять Его славу и величіе? А намъ ренію Божію—привести въ дѣйствительность свою мысль о возможныхъ конечныхъ существахъ что могло воспрепятствовать, при полнотѣ Его силы, и всемогуществѣ? Какимъ образомъ возможные существа приведены Богомъ къ бытію, это великая тайна, въ которую мы не имѣемъ никакого права пытаться проникнуть, не зная многого и въ подручныхъ намъ явленіяхъ, какимъ образомъ и почему они происходятъ, почему такъ, а не иначе,—почему, напр. мысль наша можетъ выражаться въ словѣ, почему и какимъ образомъ духъ нашъ можетъ проявлять себя въ тѣлѣ, и т. п. Намъ достаточно знать, что мысль о возможныхъ конечныхъ существахъ могла быть и была присущею отъ вѣчности уму божественному, и что любовь божественная сильна была побудить, и всемогущество привести ее въ дѣйствительность,—для того, чтобы съ несомнѣнною и непоколебимою увѣренностію принять истину творенія.

Насъ нисколько не удивляетъ то, что пантеисты осыпаютъ наше ученіе разными возраженіями. Стоя на ложной точкѣ зрѣнія, они вынуждены отыскивать слабыя стороны въ томъ ученіи, которое обличаетъ ихъ заблужденіе, хотя ихъ усилія затмить истину навсегда должны остаться безуспѣшными. Возраженія пантеистовъ противъ ученія о твореніи, при надлежащемъ вниманіи къ смыслу этого ученія, падаютъ сами собою.

Говорятъ, напримѣръ, пантеисты: вы признаете Бога Творцемъ міра, но можно спросить, почему Богъ создалъ міръ, по случаю, или по необходимости, по безотчетному ли и прихотливому капризу, или по внутреннему, необходимому требованію своей природы? Допустивши первое, вы принуждены будете упасть въ крайность нелѣпнаго и ребяческаго представленія о Богѣ,—и вы отвергаете твореніе по случаю, по капризу. Итакъ вы должны признать послѣднее, т. е. что міръ произошелъ, какъ внутреннее, вѣчное и необходимое проявленіе и раскрытіе существа и жизни Божіей, и что, слѣдовательно, между Богомъ и міромъ, безконечнымъ и конечнымъ, нѣтъ существеннаго и дѣйствительнаго различія, такъ какъ они соединены между собою вѣчнымъ и необходимымъ союзомъ, и составляютъ нераздѣльное единое.

Но эти крайности, между которыми стараются поставить насъ пантеисты, для насъ вовсе не существуютъ и потому вовсе не опасны. Мы, конечно, признаемъ нелѣпнымъ и недостойнымъ Бога представленіе о Немъ, какъ дѣятелѣ, дѣйствующемъ по случайной прихоти и безотчетному капризу и отвергаемъ подобное представленіе. Но слѣдуетъ ли отсюда, чтобы мы должны были признать, согласно съ пантеистами, твореніе Богомъ міра—по неизбежной, неотразимой необходимости, въ силу вѣчнаго закона, саморазвитія божественной природы? Развѣ подобный образъ представленія дѣятельности божественной менѣе дѣтскій, и болѣе достойный существа совершеннѣйшаго, чѣмъ представленіе о Богѣ, какъ Творцѣ, дѣйствующемъ по одной случайности, прихоти или капризу? Пантеисты не хотятъ понять того, что то и другое представленіе о Богѣ равнозначущи, и недостойны Бога. Дѣйствование по слѣпой, безотчетной необходимости, въ существѣ дѣла, есть тоже что дѣйствованіе, по случаю или капризу, въ томъ и другомъ нѣтъ разумности, отчетливости и свободы. Пантеисты

скажутъ, что нѣтъ болѣе формъ дѣятельности, кромѣ этихъ двухъ, изъ которыхъ та или другая должна быть отпесена къ Богу Творцу? То вѣрно, что—другой болѣе совершенной формы дѣятельности, которая могла бы быть приписана Богу, для пантеистовъ, потерявшихъ представленіе о живомъ, личномъ Богѣ, нѣтъ,—но она есть для читателей истиннаго Бога Творца міра, дѣйствующаго и не по случаю или капризу, и не по безотчетной и слѣпой необходимости, но по разуму и свободѣ.—Свобода, продолжаютъ пантеисты, есть капризь, если въ основѣ ея не лежатъ постоянные и неизмѣнные законы, если же она соединена съ этими законами, то должна быть признана необходимостію.—На это отвѣчаемъ: безъ сомнѣнія, свобода божественная управляется вѣчными и неизмѣнными законами, чѣмъ она и отличается отъ произвола или каприза, но эти законы—законы совершеннѣйшаго разума и совершеннѣйшей воли, законы истины и правды, премудрости и святости. Вотъ что отличаетъ свободу въ Богѣ отъ слѣпой, безотчетной необходимости. По этой-то свободѣ, управляемой вѣчными и неизмѣнными законами истины и любви, Богъ и создалъ міръ. Назовите ее, если угодно, нравственною необходимостію, но это не будетъ ваша слѣпая физическая необходимость, которая заставляетъ божественную субстанцію, подобно сѣмени развиваться и принимать различныя формы міровья, безъ всякаго со стороны ея вѣдома и желанія. Богъ по предвѣчнымъ предначертаніямъ своего Ума, и побужденіямъ своей вѣчной и неизмѣнной любви творить міръ, но міръ не составляетъ существенной необходимости для существованія Его природы. Онъ только выражаетъ совершенства существа божественнаго, которое, до проявленія себя въ мірѣ было полнѣйшимъ и совершеннѣйшимъ существомъ, и которое такимъ бы было и тогда, когда бы міръ не былъ сотворенъ, или, будучи сотворенъ, обратился въ ничто.

Небольшую силу имѣетъ и другое болѣе значительное возраженіе, представляемое пантеистами противъ ученія о твореніи. «Вашъ Богъ, говорятъ пантеисты, есть Творецъ, со-здавшій міръ или внѣ Себя, или внутри Себя. Должно быть что либо одно изъ двухъ: или Богъ есть чисто-внѣшняя (трансцендентная) причина міра, или Онъ есть внутренняя (имманентная) причина міра. Срединъ здѣсь нѣтъ. Отрицать то, что Богъ образовалъ вселенную внѣ Себя, значитъ утверждать, что Богъ образовалъ ее внутри Себя самаго. На какую же сторону вы склоняетесь? Рѣшиться признать то, что Богъ образовалъ міръ внѣ Себя? Тогда вы неизбежно допустите цѣлый рядъ неразрѣшимыхъ противорѣчій. Самое представле-ніе о Безконечномъ, обнимающемъ собою всю полноту бытія, и о существованіи чего-то внѣ Его заключаетъ въ себѣ проти-ворѣчіе. Рѣшиться ли допустить то, что Богъ образовалъ міръ внутри Себя самаго, что вы должны сдѣлать во избѣжаніе противорѣчій? Тогда вы должны будете согласиться, что міръ есть существованіе внутреннее и необходимое проявленіе и рас-крытіе жизни Божіей,—есть самый же Богъ, проявляющійся въ конечномъ,—и вы будете съ нами».

Возраженіе, какъ ни представляющееся съ перваго разу смѣшнымъ и неопредѣлимымъ, но въ существѣ мѣла есть не болѣе, какъ софизмъ, обличающій въ противникахъ намѣрен-ное или не намѣренное непониманіе такихъ вещей, которыя не могутъ пониматься каждымъ простымъ и непредубѣжденнымъ мыслящимъ человѣкомъ. Пантеисты начинаютъ съ того, что хотятъ уяснить и опредѣлить образъ дѣятельности причины безконечной. Но что же дѣлаютъ они? Гдѣ думаютъ они оты-скать мѣрило для опредѣленія дѣятельности верховной при-чины? Въ причинахъ конечныхъ. Къ нимъ обращаются пан-теисты, съ ними снимаютъ они мѣрку, и, прилагая ее къ без-конечной причинѣ, думаютъ намѣрить и опредѣлить Ея дѣя-

тельность. Не странно ли это и неразумная попытка со стороны пантеистов? Сами же считают нелѣпнымъ и ребяческимъ дѣломъ трактовать о безконечномъ существѣ наравнѣ съ конечными, а между тѣмъ на дѣятельность безконечной причины думаютъ наложить тѣ условія, формы и границы, которымъ подчиняются въ раскрытіи своей дѣятельности причины конечныя. Отъ другихъ требуютъ возвышеннаго, очищеннаго отъ всякой грубости, представленія о Богѣ, а сами дозволяютъ себѣ самый грубый антропоморфизмъ.

Въ образѣ дѣятельности, въ которой проявляютъ себя конечныя причины, мы отмечаемъ двѣ формы, — это вѣрно. Однѣ изъ причинъ конечныхъ проявляютъ себя, дѣйствуя чрезъ какое либо внѣшнее посредство. Такъ, напр. сила пара, приводя въ дѣйствіе машину, движетъ пароходомъ; скульпторъ, при помощи рѣзца, изъ известнаго матеріала выдѣлываетъ статую; живописецъ при помощи кисти и красокъ производитъ на свѣтъ картину и т. п. Это причины, дѣйствующія чрезъ внѣшнее посредство, или, такъ называемыя пантеистами, причины транзитивныя. Есть другаго рода причины, которыя изъ себя самихъ изводятъ дѣйствіе, это такъ называемыя пантеистами причины имманентныя. Низшую степень проявленія этого рода причинъ служитъ развитіе сѣмени въ растеніе или дерево, а высшую степень олицетворенія ихъ можетъ служить мысль человѣческая, проявляющаяся въ разнообразныхъ мысленныхъ построеніяхъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что мы обязаны приписать безконечной причинѣ ту или другую изъ формъ, въ которой проявляется дѣятельность конечныхъ причинъ? Имѣемъ ли даже право заключать отсюда, что намъ извѣсны всѣ возможныя формы дѣятельности, въ которыхъ могутъ проявлять себя конечныя причины? Конечно, безразсудно и нелѣпо приписывать дѣятельности творческой ту форму, въ которой проявляются внѣшнія или транзитивныя причины,

представляя Бога художникомъ или архитекторомъ по отноше-
нію къ міру. Но не также ли неосновательно и нелѣпо
приписывать дѣятельности божественной форму проявленія при-
чины такъ называемыхъ внутреннихъ или имманентныхъ? И эта
форма дѣятельности имѣетъ свои границы и условія, прилич-
ныя одному конечному. Сѣмя развивается, растетъ и созрѣ-
ваетъ при извѣстныхъ условіяхъ внѣшнихъ, безъ которыхъ
это жизнь немыслима. И даже мысль человѣческая создаетъ
свои работы не безъ внѣшнихъ стороннихъ пособій. Ничего
подобнаго не можетъ быть въ дѣятельности божественной. Для
безконечнаго нѣтъ—*внѣ* или *внутри*, равно какъ для вѣчнаго
нѣтъ *прежде* и *послѣ*. Какъ *прежде* и *послѣ* можетъ быть
относимо только къ временному бытію, такъ *внѣ* и *внутри*
можетъ имѣть мѣсто только по отношенію къ существамъ
ограниченнымъ пространствомъ. Подчинять подобнымъ фор-
мамъ проявленій бытія и дѣятельности творческую силу, не
значить ли на безконечное налагать границы и условія, въ ко-
торыхъ заключены одни конечныя, ограниченныя существа?
А это самое и дѣлаютъ пантеисты, свой образъ представленія
о происхожденіи міра чрезъ внутреннее развитіе божественной
субстанціи противопоставляя тому образу представленія, какой
имѣетъ христіанское ученіе о Богѣ, какъ о свободномъ и
всемогущемъ Творцѣ и который одинъ только и способенъ
снати разумъ нашъ отъ тѣхъ несообразностей и противорѣчій,
которыя неизбѣжны при представленіи пантеистическомъ.

Послѣ несостоятельнаго и ложнаго рѣшенія вопроса о
Богѣ и Его отношеніи къ міру, напрасны всѣ попытки по-
нѣшняго пантеизма представить скольконибудь удовлетвори-
тельное рѣшеніе на другіе второстепенные вопросы, стоящіе
на прямой и непосредственной зависимости отъ вопроса о
Богѣ, каковы, напр. касаются назначенія человѣка, религіи
и нравственности. Гдѣ нѣтъ вѣрнаго и отчетливаго предста-

взгляда о Богѣ и Его отношеніи къ міру, тамъ очевидно не можетъ быть истиннаго и основательнаго взгляда на міръ и его отношеніе къ Богу. Гдѣ смѣшанное и спутанное представление о Богѣ и мірѣ, тамъ можетъ ли имѣть мѣсто ясное, отчетливое и вѣрное представление о человѣкѣ и его назначеніи, религіи и нравственности? Пантеисты, по видимому, больше, чѣмъ кто либо, стараются поднять высоко достоинство человека и его назначеніе; но видимому, не враждебно относятся къ религіи и стоять твердо за основы и начала нравственности, но въ сущестѣ для оказывается совершенно другое. Высокое назначеніе человека, религія и нравственность съ ихъ точки зрѣнія,—пустыя слова, не имѣющія никакой силы и значенія, онѣ также призрачны, какъ призрачно ихъ представление о Богѣ, совершенно подрывающее значеніе сихъ истинъ.

Что такое человѣкъ, съ пантеистической точки зрѣнія?— Въ отношеніи къ существу безконечному, онъ—тоже, что мгновенно поднимающаяся на океанѣ волна, и мгновенно въ немъ исчезающая, чтобы дать мѣсто ряду другихъ безчисленныхъ волнъ, свидѣтельствующихъ о его неизмѣримости. Онъ—тоже, что на мгновеніе возникающій на растеніи, для проявленія въ немъ хранящейся растительной силы, цвѣтокъ или листокъ, смѣняемый по истеченіи извѣстнаго періода другими подобными же цвѣтами и листьями въ свою очередь, тоже безвозвратно увядающими и исчезающими. Если угодно (какъ думаютъ послѣдователи гегелянскаго пантеизма)—человѣкъ есть само же безконечное существо, которое, постепенно развиваясь изъ неопредѣленной, безкачественной формы бытія въ формы болѣе опредѣленныя и совершенныя, достигаетъ самаго полнаго, совершеннаго развитія въ человѣческой природѣ, являясь здѣсь сознаниемъ и личностію. Но что же, спрашивается, въ томъ и другомъ случаѣ остается на долю бытія человѣка, какъ человѣка? Ничего,—одна тѣнь бытія, одинъ пустой, мгновенно

называющийся и исчезающий призракъ. Человѣкъ навсегда до конца откажется отъ той мысли, что онъ имѣеть нѣкоторую долю своего личнаго, самостоятельнаго бытія; что онъ самъ существуетъ и живетъ, и не существуетъ и живетъ въ немъ и подъ видомъ его и чѣго другое; во всѣхъ своихъ состояніяхъ и дѣйствіяхъ постоянно являющагося и, относящего ихъ къ себѣ, въ не въ кому либо иному, онъ долженъ признать ни чѣмъ инымъ, какъ только однимъ оптическимъ обманомъ! Что и говорить послѣ всего о высокомъ достоинствѣ человѣка, и его назначеніи? Не можетъ быть и рѣчи о достоинствѣ и назначеніи того, что само въ себѣ не существуетъ, а только кажется существующимъ. Понятно также, насколько здѣсь можетъ быть умѣстна и рѣшена вопросъ о будущемъ назначеніи человѣка, условленномъ безсмертіемъ души, подрываемымъ пантеистическимъ обожженіемъ человѣка и низведеніемъ его существованія до нуля и въ настоящей жизни. Въ ученіи пантеистовъ о безсмертіи души, полагаемомъ ими то въ слитіи души съ безконечнымъ началомъ всего существующаго съ исчезновеніемъ памяти и воображенія то въ существованіи въ памяти потомства, каждый легко увидитъ только одно профанированіе священной и несомнѣнной истины безсмертія души, составляющей свѣтлое достоинство всего человѣчества.

Гдѣ же послѣ этого мѣсто для религіи, которую по видимому неприкосновенною оставляютъ въ своихъ системахъ пантеисты? Религія necessarily предполагаетъ свободно-правственные отношенія между человѣкомъ и Богомъ. Но свободно-правственные отношенія между какими бы то ни было лицами возможны только тогда, когда одно лицо, созная себя отдѣльною личностію, отличаетъ себя отъ другаго, признавая въ немъ самомъ также отдѣланую личность, имѣющую право на то или другое въ ней отношеніе. При недостаткѣ въ себѣ сознана отдѣланости и личности своего бытія и разграниченія его

съ бытіемъ и личностію другого существа, очевидно, никакія отношенія невозможны. Между тѣмъ пантеизмъ смѣшиваетъ и отождествляетъ конечное съ безконечнымъ, человѣка съ Богомъ, обезличивая то конечное, то безконечное. Понятно, что въ семъ случаѣ никакихъ не можетъ быть отношеній между человѣкомъ и Богомъ, слѣдовательно не можетъ быть религіи.

Разрушая религію, пантеизмъ наконецъ подрываетъ основы всякой нравственности, и общественнаго порядка и благоденствія. Нравственность утверждается, съ одной стороны, на святости и силѣ закона, который требуетъ отъ человѣка себѣ повиновенія, а съ другой стороны на свободѣ воли человѣческой, которая обязана стремиться къ осуществленію закона. Пантеизмъ то и другое отрицаетъ. Законъ потому есть для насъ законъ, потому священный и обязательный для насъ, что онъ божественъ, что носитъ на себѣ печать воли божественной. Нравственнаго чувства мы потому слушаемся, что въ его голосѣ слышимъ голосъ божественный, и всѣ законы существующіе, какого бы рода они ни были, настолько возбуждаютъ въ насъ чувство уваженія къ себѣ и обязательства въ исполненіи ихъ, насколько мы видимъ въ нихъ отблескъ воли божественной, выраженнаго въ внутреннемъ законѣ—естественномъ и вѣннемъ, откровенномъ. Такимъ образомъ нравственный законъ, какъ правило имѣющее обязательную силу для воли человѣческой, немыслимъ безъ Верховнаго Законодателя, Который есть и Судія и Мздовоздатель. Разорвите эту внутреннѣйшую связь между закономъ и божественнымъ Законодателемъ, и законъ потеряетъ свою нравственно-обязательную силу и значеніе. А это и дѣлаютъ пантеисты, отождествляя законы нравственныя съ законами физическими и раздѣляя ихъ съ Верховнымъ Законодателемъ, мѣсто Котораго занимаетъ у нихъ какое то безконечное неопредѣленное существо, недающее никому и ничему законъ, и само подчиняющееся неизмѣннымъ

человѣкамъ природы въ своемъ развитіи. Понятно, что такіе законы не затрогуютъ нравственнаго чувства, и не вызовутъ внутреннихъ, нравственныхъ побужденій къ ихъ исполненію.

Но пусть будетъ иначе, допустимъ, что законъ, понимаемый и въ смыслѣ пантеистическомъ, можетъ въ себѣ самомъ представлять побужденіе къ его исполненію, — найдетъ ли подобное побужденіе человѣкъ въ себѣ самомъ? Имѣетъ ли онъ возможность исполнять законъ? Имѣетъ ли онъ основаніе ожидать вѣного либо вознагражденія за его исполненіе? На всѣ эти вопросы пантеизмъ даетъ одинъ отрицательный отвѣтъ. Человѣкъ, съ пантеистической точки зрѣнія не есть личность, обладающая извѣстною долею самостоятельности, и управляемая сама собою, сознаниемъ и свободою, — онъ есть только мнновенное проявленіе бытія и жизни другаго существа, разумъ есть не болѣе, какъ тельчій независимо отъ него рядъ идей, и воля — желаній, но въ немъ нѣтъ личнаго самосознанія, нѣтъ личной свободы, надъ нимъ царитъ общій законъ необходимости. Задумалъ ли бы человѣкъ поставить задачу для своей воли нравственный идеалъ, и стремиться къ его осуществленію? Это было бы вовсе напрасно — не въ его силахъ, не въ его природѣ.захотѣлъ ли бы онъ, сдѣлавши что либо доброе, считать это заслугою? Тоже напрасно, потому что это не его дѣло, не онъ дѣйствуетъ, а изъ-подъ него, и за него дѣйствуетъ что-либо другое. Сталъ ли бы человѣкъ смущаться, не сдѣлавши должнаго, или сдѣлавши противозаконное? Тоже — напрасно. Гдѣ нѣтъ свободы, тамъ не можетъ быть ни вмѣняемости, ни отвѣтственности, — нѣтъ тамъ даже и самаго различія между добромъ и зломъ. Добро и зло, по взгляду пантеистическому, одинаково хороши, и то что мы признаемъ зломъ есть не болѣе, какъ только кажущееся зло, въ сущности же оно есть то же, что мы считаемъ добромъ. Что же послѣ всего этого остается дѣлать человѣку? Одно, — броситься безотчетно —

на произволъ слѣпой судьбы въ общій круговоротъ жизни, и предоставить себя его фатальному теченію, — пусть онъ уноситъ жизнь человѣческую куда ему угодно, куда онъ уноситъ все попадающееся ему на пути, и безусловно подчиняющееся его неострашимому стремленію. И какъ въ человѣкѣ, при его испорченности, сильнѣе дѣйствуютъ низшія, эгоистическія и чувственныя побужденія, чѣмъ побужденія высшія, духовныя, то, конечно, онъ долженъ будетъ сдѣлаться игролищемъ однихъ животныхъ инстинктовъ и грубыхъ стремленій и страстей. Совершенная разгузданность эгоистическихъ стремленій, попирающихъ все высокое, законное и священное, грубый матеріализмъ, почти бездна зла, въ которую влечетъ своихъ адептовъ пантеизмъ, пуская свои корни въ ихъ жизнь, доказательствомъ чего можетъ служить матеріализмъ послѣдняго времени, выродившійся изъ позднѣйшаго гермелянскаго пантеизма.

Нужно ли говорить уже о томъ, что пантеизмъ, разрушая всякую нравственность, вмѣстѣ съ тѣмъ разрушаетъ и основы общественнаго порядка и благосостоянія. При потерѣ правильнаго представленія о личности божества и личности человѣческой, при потерѣ сознанія истиннаго достоинства природы человѣческой и ея назначенія, нѣтъ мѣста — надлежащему уваженію долга и правъ другихъ, а дается полный просторъ личному произволу и совершенному безправію. Здѣсь тотъ мутный источникъ, изъ котораго истекаютъ зловредныя соціалистическія и коммунистическія идеи, столь опасныя для порядка и благосостоянія общественнаго.

Всякде дерево познается по плодамъ его. Для кого не вполне очевидна несостоятельность пантеизма, рассматриваемаго въ его основаніяхъ, тотъ окончательно можетъ убѣдиться въ этомъ изъ тѣхъ опасныхъ слѣдствій, къ которымъ ведетъ онъ, изъ тѣхъ горькихъ и гибельныхъ плодовъ, которые приносятъ онъ, пуская свои корни въ жизнь частную и обще-

стигнути. Тѣмъ очевиднѣе и осязательнѣе для каждаго должна быть истина христіанскаго ученія, которое, предлагая возможно удовлетворительное для разума рѣшеніе существеннѣйшихъ для человѣка вопросовъ, въ тоже время является самымъ благотворнымъ и спасительнымъ въ своемъ вліяніи на жизнь частныхъ людей и цѣлыхъ народовъ. Оно одно прочно создаетъ и поддерживаетъ порядокъ общественный и благосостоянію народное, оно же одно способно врачевать и исцѣлять тѣ прищественныя язвы въ жизни частной и общественной, которыя производятъ въ ней ядъ пантеизма или матеріализма.

А. Сильвестръ.

